

- [Габриэль Гарсиа Маркес](#)

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке BooksCafe.Net](#)

[Все книги автора](#)

[Эта же книга в других форматах](#)

Приятного чтения!

Габриэль Гарсиа Маркес

Самый красивый утопленник в мире

Первые из детей, увидевшие, как по морю приближается к берегу что-то темное и непонятное, вообразили, что это вражеский корабль. Потом, не видя ни мачт, ни флагов, подумали, что это кит. Но когда неизвестный предмет выбросило на песок и они очистили его от опутывающих водорослей, от щупалец медуз, от рыбьей чешуи и от обломков кораблекрушений, которые он на себе нес, вот тогда они поняли, что это утопленник. Они играли с ним уже целый день, закапывая его в песок и откапывая снова, когда кто-то из взрослых случайно их увидел и всполошил все селение. Мужчины, которые отнесли утопленника в ближайший дом, заметили, что он тяжелее, чем все мертвецы, которых они видели, почти такой же тяжелый, как лошадь, и подумали, что, быть может, море носило его слишком долго и кости напитались водой. Когда его опустили на пол, то увидели, что он гораздо больше любого из них, больше настолько, что едва поместился в доме, но подумали, что, быть может, некоторым утопленникам свойственно продолжать расти и после смерти. От него исходил запах моря, и из-за того что тело облекал панцирь из ракушек и тины, лишь очертания позволили предположить, что это труп человека.

Достаточно оказалось очистить ему лицо, чтобы увидеть: он не из их селения. В селении у них было от силы два десятка сколоченных из досок лачуг, около каждой дворик — голые камни, на которых не росло ни цветка, — и рассыпаны эти домишки были на оконечности пустынного мыса. Оттого что земли было очень мало, матерей ни на миг не оставлял страх, что ветер может унести их детей; и тех немногих мертвых, которых приносили годы, приходилось сбрасывать с прибрежных крутых скал. Но море было спокойное и щедрое, а все мужчины селения вмещались в семь лодок, так что, когда находили утопленника, любому достаточно было посмотреть на остальных, и он сразу знал, все ли тут.

В этот вечер в море не вышел никто. Пока мужчины выясняли, не ищут ли кого в соседних селениях, женщины взяли на себя заботу об утопленнике. Пучками испанского дрока они стерли тину, выбрали из волос остатки водорослей и скребками, которыми очищают рыбу от чешуи, содрали с него ракушки. Делая это, они заметили, что морские растения на

нем из дальних океанов и глубоких вод, а его одежда разорвана в клочья, словно он плыл через лабиринты кораллов. Они заметили также, что смерть он переносит с гордым достоинством — на лице его не было выражения одиночества, — свойственного утонувшим в море, но не было в нем и отталкивающего выражения муки, написанного на лицах тех, кто утонул в реке. Но только когда очистили его совсем, они поняли, какой он был, и от этого у них перехватило дыхание. Он был самый высокий, самый сильный, самого лучшего сложения и самый мужественный человек, какого они видели за свою жизнь, и даже теперь, уже мертвый, когда они впервые на него смотрели, он не укладывался в их воображении.

Для него не нашлось в селении ни кровати, на которой бы он уместился, ни стола, который мог бы его выдержать. Ему не подходили ни праздничные штаны самых высоких мужчин селения, ни воскресные рубашки самых тучных, ни башмаки того, кто прочнее других стоял на земле. Зачарованные его красотой и непомерной величиной, женщины, чтобы он мог пребывать в смерти с подобающим видом, решили сшить ему штаны из большого куска косога паруса, а рубашку — из голландского полотна, из которого шьют рубашки невестам. Женщины шили, усевшись в кружок, поглядывая после каждого стежка на мертвое тело, и им казалось что еще никогда ветер не дул так упорно и никогда еще Карибское море не волновалось так, как в эту ночь; и у них было чувство, что все это как-то связано с мертвым. Они думали, что если бы этот великолепный мужчина жил у них в селении, двери у него в доме были бы самые широкие, потолок самый высокий, пол самый прочный, рама кровати была бы из больших шпангоутов на железных болтах, а его жена была бы самая счастливая. Они думали: власть, которой бы он обладал, была бы так велика, что, позови он любую рыбу, она тут же прыгнула бы к нему из моря, и в работу он вкладывал бы столько старанья, что из безводных камней дворики забили бы родники и он сумел бы засеять цветами прибрежные крутые скалы. Втайне женщины сравнивали его со своими мужьями и думали, что тем за всю жизнь не сделать того, что он смог бы сделать за одну ночь, и кончили тем, что в душе отреклись от своих мужей как от самых ничтожных и жалких существ на свете. Так они блуждали по лабиринтам своей фантазии, когда самая старая из них, которая, будучи самой старой, смотрела на утопленника не столько с чувством, сколько с сочувствием, сказала, вздохнув:

— По его лицу видно, что его зовут Эстебан.

Это была правда. Большинству оказалось достаточно взглянуть на него снова, чтобы понять: другого имени у него быть не может. Самые упрямые

из женщин, которые были также и самые молодые, вообразили, что, если одеть мертвого, обусть в лакированные туфли и положить среди цветов, вид у него станет такой, как будто его зовут Лаутаро. Но это было лишь их воображение. Полотна не хватило, плохо скроенные и еще хуже сшитые штаны оказались ему узки, а от рубашки, повинувшись таинственной силе, исходившей из его груди, снова и снова отлетали пуговицы. После полуночи завывание ветра стало тоньше, а море впало в сонное оцепенение наступившего для среды. Тишина положила конец последним сомнениям: бесспорно, он Эстебан. Женщины, которые одевали его, причесывали, брили его и стригли ему ногти, не могли подавить в себе чувства жалости, как только убедились, что ему придется лежать на полу. Именно тогда они поняли, какое это, должно быть, несчастье, когда твое тело настолько велико, что мешает тебе даже после смерти. Они представили себе, как при жизни он был обречен входить в дверь боком, больно стучаться головой о притолоку, в гостях стоять, не зная, что делать со своими нежными и розовыми, как ласты морской коровы, руками, в то время как хозяйка дома ищет самый прочный стул и, мертвая от страха, садитесь сюда, Эстебан, будьте так любезны, а он, прислонившись к стене, улыбаясь, не беспокойтесь, сеньора, мне удобно, а с пяток будто содрали кожу, и по спине жар» от бесконечных повторений каждый раз, когда он в гостях, не беспокойтесь, сеньора, мне удобно, только бы избежать срама, когда под тобой ломается стул; так никогда, быть может, и не узнал, что те, кто говорили, не уходи, Эстебан. подожди хоть кофе, потом шептали, наконец-то ушел, глупый верзила, как хорошо, наконец-то ушел, красивый дурак. Вот что думали женщины, глядя на мертвое тело незадолго до рассвета. Позднее, когда, чтобы его не тревожил свет, ему накрыли лицо платком, они увидели его таким мертвым навсегда, таким беззащитным, таким похожим на их мужей, что сердца у них открылись и дали выход слезам. Первый зарыдала одна из самых молодых. Остальные, словно заражая друг друга, тоже перешли от вздохов к плачу, и чем больше рыдали они, тем больше плакать им хотелось, потому что все явственней утопленник становился для них Эстебаном; и наконец от обилия их слез он стал самым беспомощным человеком на свете, самым кротким и самым услужливым, бедняжка Эстебан. И потому, когда мужчины вернулись и принесли весть о том, что и в соседних селениях утопленника не знают, женщины почувствовали, как в их слезах проглянула радость.

— Благодарение Господу, — облегченно вздохнули они, — он наш!

Мужчины решили, что все эти слезы и вздохи лишь женское ломанье. Уставшие от ночных мучительных выяснений, они хотели только одного:

прежде чем их остановит яростное солнце этого безветренного, иссушенного дня, раз и навсегда избавиться от нежеланного гостя. Из обломков бизаней и фок-мачт, скрепив их, чтобы выдержали вес тела, пока его будут нести к обрыву, эзельюфтами, они соорудили носилки. Чтобы дурные течения не вынесли его, как это не раз бывало с другими телами, снова на берег, они решили привязать к его щиколоткам якорь торгового корабля — тогда утопленник легко, опустится в самые глубины моря, туда, где рыбы слепы, а водолазы умирают от одиночества. Но чем больше спешили мужчины, тем больше поводов затянуть время находили женщины. Они носились как перепуганные куры, хватали из ларцов морские амулеты, и одни хотели надеть на утопленника ладонки попутного ветра и мешали здесь, а другие надевали ему на руку браслет верного курса и мешали тут, и под конец уже: убирайся отсюда, женщина, не мешай, не видишь разве — из-за тебя я чуть не упал на покойника, в душе у мужчин зашевелились подозрения, и они начали ворчать, к чему это, столько побрякушек с большого алтаря для какого-то чужака, ведь сколько ни будь на нем золоченых и других побрякушек, все равно акулы его сжуют, но женщины по-прежнему продолжали рыться в своих дешевых реликвиях, приносили их и уносили, налетали друг на друга; между тем из их вздохов становилось ясно то, чего не объясняли прямо их слезы, и наконец терпение мужчин лопнуло, с какой стати столько возни из-за мертвеца, выкинутого морем, неизвестного утопленника, груды холодного мяса. Одна из женщин, уязвленная таким безразличием, сняла с лица утопленника платок, и тогда дыхание перехватило и у мужчин.

Да, это, конечно, был Эстебан. Не надо было повторять еще раз, чтобы все это поняли. Если бы перед ними оказался сэр Уолтер Рэли, то на них, быть может, и произвели бы впечатление его акцент гринго, попугай-гуакамайо у него на плече, аркебуза, чтобы убивать каннибалов, но другого такого, как Эстебан, на свете больше быть не может, и вот он лежит перед ними, вытянувшись, как рыба сабало, разутый, в штанах недоношенного ребенка и с твердыми как камень ногтями, которые можно резать разве что ножом. Достаточно было убрать платок с его лица, чтобы увидеть: ему стыдно, он не виноват, что он такой большой, не виноват, что такой тяжелый и красивый, и, знай он, что все так произойдет, нашел другое, более приличное место, где утонуть, серьезно, я бы сам привязал к своей шее якорь галеона и шагнул со скалы, как человек, которому тут не понравилось, и не докучали бы вам теперь этим, как вы его называете, мертвецом дня среды, не раздражал бы никого этой мерзкой грудой холодного мяса, у которой со мной нет ничего общего. В том, какой он,

было столько правды, что даже самых подозрительных из мужчин, тех, кому опостытели трудные ночи моря, ибо их страшила мысль о том, что женам наскучит мечтать о них и они начнут мечтать об утопленниках, даже этих и других, более твердых, пронизал трепет от искренности Эстебана.

Вот так и случилось, что ему устроили самые великолепные похороны, какие только мыслимы для бездомного утопленника. Несколько женщин, отправившись за цветами в соседние селения, вернулись оттуда с женщинами, не поверившими в то, что им рассказывали, и эти, когда увидели мертвого собственными глазами, пошли принести еще цветов и, возвращаясь, привели с собою новых женщин, и, наконец, цветов и людей скопилось столько, что почти невозможно стало пройти. В последний час у них защемило сердце оттого, что они возвращают его морю сиротой, и из лучших людей селения ему выбрали отца и мать, а другие стали ему братьями, дядьями, двоюродными братьями, и кончилось тем, что благодаря ему все жители селения между собой породнились. Какие-то моряки, услышав издалека их плач, усомнились, правильным ли курсом они плывут, и известно, что один из них, вспомнив древние сказки о сиренах, велел привязать себя к грот-матче. Споря между собой о чести нести его на плечах к обрыву, жители селения впервые поняли, как безрадостны их улицы, безводны камни их дворишков, узки их мечты рядом с великолепием и красотой утопленника. Они сбросили его с обрыва, так и не привязав якоря, чтобы он мог вернуться когда захочет, и затаили дыхание на тот вырванный из столетий миг, который предшествовал падению тела в бездну. Им даже не нужно было теперь смотреть друг на друга, чтобы понять: они уже не все тут и никогда все не будут. Но они знали также, что отныне все будет по-другому: двери их домов станут шире, потолки выше, полы прочнее, чтобы воспоминание об Эстебанае могло ходить повсюду, не ударяясь головой о притолоку, и в будущем никто бы не посмел шептать, глупый верзила умер, какая жалость, красивый дурак умер, потому что они, чтобы увековечить память об Эстебанае, выкрасят фасады своих домов в веселые цвета и костями лягут, а добьются, чтобы из безводных камней забили родники, и посеют цветы на крутых склонах прибрежных скал, и на рассветах грядущих лет пассажиры огромных судов будут просыпаться, задыхаясь от аромата садов в открытом море, и капитан спустится со шканцев в своей парадной форме с боевыми медалями на груди, со своей астробией и своей Полярной звездой и, показывая на мыс, горой из роз поднявшийся на горизонте Карибского моря, скажет на четырнадцати языках, смотрите, вон там, где ветер теперь теперь так кроток, что укладывается спать под кроватями, где солнце светит так ярко,

что подсолнечники не знают, в какую сторону повернуться, там, да, там находится селение Эстебана.

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке BooksCafe.Net](#)

[Оставить отзыв о книге](#)

[Все книги автора](#)